

УДК 81'33

**ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАПАДНОЙ
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМАХ:
ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ И АНТРОПОТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Зарипов Р. И.

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Россия
E-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru*

Статья посвящена культурно-философскому осмыслению современного состояния человека и общества, оказавшихся под влиянием западной ценностно-мировоззренческой парадигмы постмодерна, а также роли массовой коммуникации в реализации и амплификации негативных процессов стирания всех форм идентичности субъекта, как и самого субъекта в русле концепции «ничто». Антигуманистический подход западной философской мысли, требующий постепенного уничтожения религии, традиционных ценностей и государства, привел мир к эпохе постправды, постистории и постчеловека. Отечественная лингвофилософская традиция, самобытная и самодостаточная в своих онтологических установках, не нуждается в чужеродных ориентирах и основывается среди прочих на семиотической теории коммуникации М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана и теории трансляции смыслов Д. А. Леонтьева. Положения этих теорий считают основополагающим элементом семиосферы текст в его самом широком понимании, функционирующий в человеке и для человека, опирающийся на ценностные смыслы и сводящий в бесконечное диалогическое взаимодействие автора как рефлексирующего субъекта и адресата как субъекта познающего. Ключевое отличие «сложно устроенного» текста Лотмана от бесконечного автономного текста Деррида заключается в том, что за первым скрывается реальность, а за вторым – гиперреальность: в российской научной мысли мир – это не симуляция.

Ключевые слова: текст, общество, постмодерн, реальность, гиперреальность, массовая коммуникация.

ВВЕДЕНИЕ

В современном информационном пространстве, построенном на абсолютном доминировании аудиовизуального элемента, реципиент *aliqua* начинает увлекаться в первую очередь формой сообщения, предлагаемой коммуникатором в привлекательном и динамичном виде, ориентированном на вызов эмоционального отклика. Основные смыслы сообщения индивид воспринимает часто на иррациональном уровне, через образы, заложенные в графическом и звуковом исполнении. Содержание в такой медиакulturе, конечным продуктом которой является медиатекст, преимущественно вторично и, как правило, подвергается адресатом рациональному осмыслению несколько позже, следуя в фарватере оказанного на него информационно-психологического воздействия и проявляющихся в его результате личных впечатлений, эмоций и субъективных оценок. Механизм трансляции массовой информации, предусматривающий первичность эмоциональной реакции реципиента, ведет к тому, что ему становится энергозатратным подключить рациональное мышление в ходе получения сообщения; кроме того, что это препятствует глубокому пониманию последнего и со временем снижает интеллектуальный уровень адресата, в этой связи он часто воспринимает

заложенные концептуальные установки подсознательно, чему способствует также и чрезвычайно плотный поток информации, с которой в условиях дефицита времени приходится ознакомиться бегло и поверхностно.

С другой стороны, при такой парадигме постмодерна, навязанной нашему обществу Западом (а ее первоисточник – именно западная массовая культура), когнитивно-аксиологическую матрицу человека и общества составляют образы, символы и знаки, заставляя их жить в устойчивой и запрограммированной мозаике симулякров. Так, в соответствии с концепцией Ж. Бодрийера окружающая действительность не существует и не имеет смысла, поскольку симулируется в том виде, в котором это необходимо средствами массовой информации и самой системе отношений, основная установка которой – вызвать желание и продать. Симулякры пусты в своей иллюзорности, представляют собой созданные технологиями аудиовизуальные эффекты и подменяют реальность гиперреальностью: «за экраном нет ничего» [35, р. 52]. Более того, при все более возрастающих объемах информации наблюдается имплозия смысла, «информация разлагает смысл, разлагает социальное, превращает их в некую туманность, обреченную вовсе не на рост нового, а наоборот, на тотальную энтропию» [14]. Таким образом, несмотря на то, что изначальное предназначение СМИ состояло в сближении мира по модели «глобальной деревни» [21, с. 105] и ускорении социализации человека, сегодня сфера массовой коммуникации в западной цивилизации стала проводником асоциального и способствует деструктуризации (а иногда – и дезинтеграции) общества.

В этом контексте целью статьи ставится попытка сопоставления основополагающих лингвофилософских установок отечественной и западной культурно-цивилизационных парадигм применительно к треугольной онтологической конструкции Бог-человек-общество с акцентом на анализ состояния современной массовой коммуникации и глобального семиотического пространства.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В современном обществе, построенному по западным стандартам, человеку уготована участь объекта, от которого ничего не зависит, несмотря на окружающие требования медиакультуры проявить свою субъектность, «чтобы мы освободились, чтобы мы самовыражались любой ценой, чтобы мы голосовали, вырабатывали, принимали решение, говорили, принимали участие, участвовали в игре, – этот вид шантажа и ультиматума, используемый против нас... еще более серьезен...» [4, с. 118]. По Бодрийеру, эти действия индивида – иллюзии репрессивной системы, которые скрывают от него его же отказ от смысла и собственной позиции. В то же время постоянным призывом к эфемерной субъектности противопоставляются все возможные проявления объекта: инфантилизм, пассивность, гиперконформизм и т. д. [4]. В этом дуализме социальной неопределенности констатируется «смерть» субъекта как такового.

Придерживаясь достаточно дискуссионных и даже утопичных взглядов, Бодрийер представляет сущность современных масс-медиа в виде неориентируемой ленты Мебиуса, олицетворяющей алогичность, парадоксальность и бесконечность продуцирования информации, в которой все меньше смысла и все больше

рассуждения о нем: «Медиа несут смысл и контрсмысл, они манипулируют во всех направлениях сразу, этот процесс никто не может контролировать, они – средства внутренней по отношению к системе симуляции, и симуляция, которая разрушает систему...» [4, с. 117]. Показателен пример освещения в СМИ терактов: информируя общество о событии, осуждая произошедшее и в то же время эксплуатируя страх в политических целях, «в совершеннейшей двусмысленности они распространяют бесчеловечную фасцинацию теракта, они сами и есть террористы, поскольку сами подвержены этой фасцинации» [4].

Тем не менее такой неоднозначный подход к онтологии познания и восприятию действительности полностью исключает вероятность существования объективной реальности и граничит с абсурдом, когда воспринимаемые человеком окружающие объекты оказываются для него не более, чем изображениями на сетчатке его глаз [17]. Излишний агностицизм и безысходность в основе мышления подавляют волю индивида и детерминируют его негативное, даже нигилистическое мироощущение, что противоречит сакральному смыслу его существования. В русле этой же логики заявляется об иллюзии реального времени, иллюзии искажения («инаковости») человека, иллюзии языка [5, с. 87–91]. Отрицается и возможность взвешенной и ответственной деятельности субъектов массовой коммуникации (в самом широком их понимании) в деле информирования, вдохновения и сплочения общества на основе отражающих фундаментальную реальность образов и подлинно истинных смыслов жизни, изложенных в священных книгах: «Так что заблуждаются и те, кто уповает и восхваляет благотворное использование медиа, и те, кто возмущается манипулированием с их стороны, поскольку нет ничего общего между системой смысла и системой симуляции» [6, с. 124].

Однако здесь не учитывается разница между ведущими западными, прозападными и национально-ориентированными российскими медиаресурсами, которая состоит в человеческом выборе основополагающего философского подхода к вечным проблемам добра и зла, справедливости и смысла жизни, то есть в содержании базовых ценностей воспитания, образования и культуры общества, из которых складывается политическая воля, определяющая характер освещения происходящего. Так, постоянные обстрелы Донбасса вооруженными формированиями Украины с 2014 г. являются не симуляцией медиасферы, а фундаментальной реальностью, эмпирически подтвержденной его жителями и посетившими его людьми, а также многочисленными репортажами и расследованиями журналистов, в том числе иностранных (если не учитывать так же и специальные службы, отвечающие за фиксацию военных преступлений). Эксперты французского телеканала CNews в марте 2022 г. не могли поверить журналистке А.-Л. Боннель, что ДНР и ЛНР обстреливаются украинскими войсками, а не российскими. Примечательно, что спустя несколько дней ее одноименный документальный фильм был заблокирован в YouTube, а газета Figaro удалила со своего сайта ее репортаж, посвященный положению мирного населения Донбасса [37].

Различие в фундаментальных установках мировых СМИ к освещению действительности, порождающее когнитивно-аксиологический диссонанс в позициях массовой аудитории, не отменяет факт ее объективного существования и *возможность* ее взвешенного, беспристрастного отражения. Тем не менее автор текста (медиатекста) всегда субъективен, поскольку субъективен сам человек, и эта субъективность возрастает по мере увеличения объема сообщения и зависит от деталей, которые *следует* (или, наоборот, не следует) изложить в силу каких-либо причин: «Должно быть, истина, как и всегда, где-нибудь лежит посередине: то есть в одном случае святая истина, а в другом – ложь» [12, с. 177–178]. Реальность оказывается достижима как минимум на уровне единичного факта: «*Зафиксирован обстрел со стороны ВФУ по направлению: 08:50 – н. п. Авдеевка – н. п. Ясиноватая: выпущено 8 снарядов калибром 152 мм*» [15]. Однако это не отменяет отсутствие у массовой аудитории возможности верифицировать информацию и попытки заинтересованных акторов ее исказить или подменить, а также дискредитировать ее отправителя.

Таким образом, вопросы социального управления и построения картины мира в индивидуальном и массовом сознании сводятся к вполне конкретным и даже прозаичным деталям: цифрам, характеристикам, другим обстоятельствам события. Это – базовые элементы сообщения, посредством которых в глобальном информационном пространстве ведется борьба Правды (Истины) и постправды (лжи): «Тут дьявол с богом борется, а поле *битвы – сердца людей*» [11, с. 155]. Обострение геополитической обстановки начала XXI в. является очередным витком и следствием этой борьбы, которая обнажила кризис человека, не нашедшего ответов в поиске своего предназначения и гармоничного мироустройства в рамках философии ревизионизма и «деконструкции». Более того, крайние, утрированные взгляды хаотической концепции «ничто», в матрице которой, как утверждает современная западная философия, сегодня подвешено человечество, пагубны и отдаляют его от постижения Истины, а значит, исторически неоправданы. Тем более что отрицается сама возможность ее репрезентации в медиаполе: «в пространстве симуляции, где нет ни истины, ни лжи, любая деонтология становится исключительно лицемерной» [6, с. 123].

Радикальное осмысление информационной эпохи продолжает и, возможно, кульминирует учение постмодернизма¹, которое последовательно «убивает» в этом мире Бога, человека, автора, субъекта и саму реальность. Эволюция образа, роль которого ранее состояла в «обмене» знака на смысл, от отражения, искажения, маскировки и даже утаивания «некоего реального», что за ним находилось, до сокрытия пустоты, то есть того, что за ним нет ничего, означает фундаментальный перелом бытия, «когда уже нет Бога, чтобы распознать своих, и Страшного Суда, чтобы отделить ложное от истинного, реальное от его искусственного воскрешения, потому что все уже умерло и воскрешено заблаговременно» [4, с. 12–13].

¹ Термины «постмодерн» и «постмодернизм» часто трактуются как взаимосвязанные и тождественные, однако первый из них служит, как правило, для описания объективных общественных процессов, а вторым обозначают некоторые явления в культуре или современный этап ее развития в целом.

Каковы причины распространения в информационном пространстве бессмысленных знаков, не отражающих никакой реальности и не несущих символической нагрузки, если в этом нет какого-либо целеполагания? Каков таинственный или практический смысл в их перманентном мультиплицировании, если за ними не стоит ничего? «Тем самым, сбывается пророчество: мы живем в мире симуляции, в мире, где наивысшая функция знака заключается в том, чтобы заставить реальность исчезнуть, и одновременно скрыть это исчезновение... образы перешли в вещи. Они больше не являются зеркалом реальности, они проникли в сердце реальности и превратили ее в гиперреальность, где от экрана к экрану у образа есть только одна судьба – быть образом. Образ больше не может вообразить реальное, поскольку он сам стал реальным, не может ее превзойти, преобразовать, увидеть в мечтах, потому что сам стал виртуальной реальностью» [5, с. 262–263]. Однако, несмотря на это зловещее развоплощение мира, которое в той или иной мере действительно и в то же время весьма дискуссионно, очевидно, что «пустые» знаки пронизывают человечество по вполне ясным, прикладным основаниям.

Бодрийяр вскрыл болевые точки современного западного общества и зафиксировал онтологический тупик, в котором оно сегодня пребывает, однако этот тупик не тотален и не фатален для обществ традиционных, поскольку семантическое наполнение знаковой матрицы человечества, несмотря на всю свою фрагментарность, по-прежнему не уничтожено и диалектично, хотя и дискретно. Процесс приобретения знаками, вслед за своей субъективно детерминированной формой, «условленного» значения объективен и необратим, как неизменны случаи появления образов, которые, на первый взгляд, не обозначают ничего («изображения неизобразимого и виды безвидного» [10, с. 53]), но на самом деле являются символами и предназначаются для указания на трансцендентальное: «Да не подумаем, что видимые условные знаки созданы ради них самих: они ведь прикрывают неизреченное и невидимое для многих знание, – чтобы не стало доступным для непосвященных всесвятое и чтобы открывалось оно только истинным приверженцам благочестия, всякую ребяческую фантазию от того, что касается священных символов, удалившим и способным благодаря простоте ума и свойству умозрительной силы восходить к простой сверхъестественной находящейся выше символов истине» [Там же, с. 835]. Другие, нерелигиозные символы, за которыми снаружи (внешне) может не стоять ничего, так же часто кажутся реципиенту пустыми в силу его незнания или непонимания их семантики, так как всякий символ есть образ, но в то же время всякий символ – нечто большее, чем образ, «он есть знак, наделенный всей органичностью образа и неисчерпаемой многозначностью образа» [цит. по: 1, с. 337].

Философия постмодернизма нашла свое развитие в литературоведении и текстологии постструктурализма.¹ Одно из главных положений этих направлений в условиях тотального релятивизма и отрицания базовых категорий культуры заключается в том, что установление для текста единственного и устойчивого значения исключено: смысл рождается при чтении, а интерпретация произведения

¹ Некоторые исследователи считают постмодернизм и постструктурализм взаимозаменяемыми терминами.

становится важнее его содержания и имеет множественно допустимый характер. При таком подходе читатель становится полноправным соавтором произведения, а автор уходит на второй план и рассматривается лишь в качестве посредника, взгляды и идеи которого не влияют на восприятие текста («смерть автора», по М. Фуко и Р. Барту). Однако это ведет к тому, что «литература (отныне лучше говорить *письмо*), отказываясь приписывать тексту (и миру как тексту) некую «тайну», то есть конечный смысл, разворачивает деятельность, которую можно назвать контртеологической, в сущности революционную, потому что отказ от смысла – это, в конечном счете, отказ от Бога и его ипостасей, разума, науки, закона» [34, р. 66].

В этой концепции тексту отводится роль не отображения реальности, но конструирования гиперреальности. Постструктуралисты в этой связи определяют культуру как коммуникативное пространство огромного, бесконечного и одновременно автономного текста (а точнее – гипертекста), составляющие элементы которого приобретают самостоятельное и самодовлеющее значение (концепция «весь мир – это Текст»). В деклассированном обществе потребления происходит беспорядочное и непрерывное копирование и трансформирование текстов, которые создаются на основе предыдущих (а предыдущие – на основе созданных ранее) и содержат отсылки к ним в виде аллюзий, реминисценций, цитат, образуя сплошное семантическое поле интертекстуальности: «всякий текст может породить – посредством последовательного ряда интерпретаций и семантических экспликаций – любой другой текст» [33, с. 48]. Это соответствует методу деконструкции (то есть одновременно деструкции и реконструкции) Ж. Деррида, который предполагает критическое чтение и последующее «переписывание» прочитанного, так называемое чтение-письмо, в результате которого создается «нечто среднее между философским трактатом, эссе, литературным произведением, комментариями, критическими замечаниями, черновыми набросками и т.п.» [13, с. 48-49].

Аналогичные характеристики текста и деконструкции присутствуют в объемном и ризоматичном информационном пространстве, нередко реализуясь в неконтролируемом и гипертрофированном виде. Коммуникативная структура современных средств массовой информации и в первую очередь Интернета сводится к дискурсообразующей цепочке «текст-медiateкст-гипертекст» [2, с. 91], разворачивающейся в виде бесконечных матричных лент сообщений, которые копируют, модифицируют, дополняют и комментируют первоисточник. Передовые механизмы сверхоперативного и всенаправленного распространения информации стирают различия между подлинным и неподлинным, достоверным и фальсифицированным, олицетворяя бесконечность плюральности мышления и поощряя свободу стилистической конфигурации самовыражения. Наличием постоянного, включенного медиаканала система удаленного, опосредованного взаимодействия с коллективным адресатом толкает коммуникатора к еще большему продуцированию текстов и отражает его амбивалентно симультанное стремление к анонимности и публичности.

Хаотизация информационного пространства, оглушение массовой аудитории под воздействием низкоинтеллектуального и развлекательного контента, смещение когнитивно-познавательной деятельности человека в аудиовизуальную форму, а также фрагментация и несистемность образовательного материала привели к тому,

что базовые знания и представления среднестатистического человека, родившегося в начале XXI века, об окружающем мире, нематериальных общественных ценностях, исторических и текущих событиях образуют своеобразное попури. Сознание современного молодого человека оказалось беззащитно перед деструктивными, асоциальными смыслами, которые хаотично генерируют разрозненные и бесконтрольные информационные источники в условиях открытого, «свободного» медиaprостранства. То же самое касается и других уязвимых слоев постиндустриального информационного общества, а точнее – всех его членов, поскольку основой социальной структуры во второй половине XX в. стала именно информация [35, p. 500–501].

Несмотря на ее кратно возросший объем, человечество постепенно стало все меньше читать, так как новые средства коммуникации технически предусматривают чтение как вид интеллектуальной деятельности в весьма ограниченном формате. На смену эпохе «великих повествований» (или «метанарративов», то есть метафизических и фундаментальных текстов, претендующих на универсальное значение [39, p. 7–8]), которые служили глобальной репрезентацией и легитимацией человеческой истории, пришло время аудиовизуального неязыкового контента и коротких текстов, повествований «малых». Понятие массовой культуры, зародившееся на фоне оппозиции к культуре элитарной, начало терять свой первоначальный семантический оттенок низкосортной продукции, рассчитанной на широкие массы усредненного и недостаточно интеллектуального потребителя, произошла шоутизация культуры. Для индивида западного социума прослеживается общая тенденция к ментальной «поверхности» (и, соответственно, утрате «глубины»), неспособности к чувству истории и памяти, потере своей идентичности в переживании «вечного настоящего» («жить здесь и сейчас») [9, с. 98, 361, 671].

В конце 80-х – начале 90-х гг. Ф. Фукуяма писал, что человечество подошло к так называемому концу истории, который означает победу западной либеральной цивилизации как модели общественного развития и предполагает повсеместное распространение ее культуры и идеологии [31, с. 134, 136, 141]. По его мнению, распад СССР подвел черту под временем идейных противостояний и глобальных потрясений, и в «постисторическом» мире наступил переход к глобализации и либеральной демократии, которая представляет собой «конечную форму человеческого правительства» [38, p. xi]. Однако развитие событий показало, что неограниченная свобода человека, лишённого всяких морально-нравственных ориентиров, оказалась путем к деградации и упадку: место человека-творца начал постепенно занимать «последний человек» [24, с. 11], как писал Ф. Ницше, или человек-ничто. Западное потребительское общество, распространившее свое огромное информационное и идеологическое влияние во всех частях планеты, постепенно само утрачивало ценностно-мировоззренческие ориентиры, разъедавая свою идентичность изнутри. То, что подавалось приверженцами либеральной демократии как полная свобода, толерантность и культурное многообразие, по мере «открытия» окна Овертона привело западный мир к либеральному фашизму, цифровому тоталитаризму и трансгуманизму, предусмотренными в рамках «четвертой промышленной революции»: «Сейчас глобалисты строят новый мир,

идеология которого – биоэкотехнофашизм. Био – все что связано с медициной, с изменением генома; эко – экология, климат; техно – цифровизация... Если первые три промышленные революции – это то, что люди делали с миром, то четвертая промышленная революция – то, что делают уже с людьми. Это – изменение генома человека, изменение самого человека... Закачивается эпоха людей, начинается эпоха трансгуманистских существ» [26]. Цель трансгуманистов – освободить человека от всех форм коллективной идентичности (религиозной, национальной, этнической, классовой, гендерной), лишить его человечности и превратить в какое-то другое существо. Для этого необходимо устранение государства как ненужного административного препятствия на пути наднациональных структур к безграничной власти мирового правительства «с социальной ответственностью»: «Если и демократия, и глобализация будут расширяться, национальному государству не будет места» [40, р. 105–106]. На пути к роботизации, бионизации и чипизации в западном обществе развивается концепция трансчеловека, в соответствии с которой под предлогом «внедрения новых технологий» с собой можно сделать все: поменять пол, вмонтировать в тело техническое устройство, что-либо удалить или скорректировать. Становится «модным» поедать мясо со вкусом человечины и применять блокаторы полового созревания детям, пока они «не определились» со своим гендером. Исчезают традиционные семейные отношения, процветают гомосексуализм и трансгендеризм. Кроме того, идет процесс легализации добровольного ухода людей из жизни, в том числе ради сокращения численности населения Земли. Прийти к таким действиям «осознанно» возможно только в результате господства культуры деградации и системной работы средств массовой информации, под воздействием которых человек и общество теряют свою сущность и смысл жизни. Иными словами, бессознательная, бездушная «машина» техносферы и массовой коммуникации, которая выстраивает социум, стремится овладеть в индивиде сознательным началом: «Сам по себе человек – «ничто», или то, «что одно означающее репрезентирует другому означающему» [8, с. 538], он является не носителем культуры, а ее функцией [7, с. 47–48].

Причина сложившегося порядка вещей состоит в том, что примитивными, инфантильными, не задумывающимися о высоких идеалах и сосредоточенными на удовлетворении своих базовых потребностей людьми удобно манипулировать. Увеличение социальной (психической) энергии и повышение скорости распространения информации в результате появления новых технологий «означает колоссальное возрастание контроля и распространение его на все большие расстояния» [21, с. 102]. С другой стороны, социальное управление разобщенными, фрагментированными, алгоритмизированными массами, которые Х. Ортега-и-Гассет обозначил количественным и визуальным понятием толпы [27, с. 309], может вести сначала к управляемому, а затем – бесконтрольному хаосу, поскольку общественное развитие и государственная стабильность невозможны без необходимого уровня культуры человека в ее классическом понимании. «Человек-масса», пользующийся всеми благами современной цивилизации, не задумывается о принципах ее устройства и не имеет цельного представления о фундаментальных категориях бытия. Его отличает самоудовлетворенность, отсутствие мотивации к саморазвитию,

эгоцентризм и наличие определенной «суммы идей» – так называемых «мнений», сформированных в результате потребления массовой информации. Он отказывается от традиционного опыта мышления, вырабатывающегося через искусство чтения и восприятия культурного пространства мировой цивилизации: «Это меняет все представление о знании. Получается, оно сводится к минимальному количеству [полезной – прим. авт.] информации и приемов ее обработки. Человек на деле не только не знает, но вообще не думает. Знание перестает быть связано с мышлением... Думать – форма жизни, форма вовлеченности в жизнь» [18]. Таким образом, понятие массовой культуры для Ортеги – оксюморон, а человек, выращенный на ее продуктах, не может считаться культурным и формирует массу, основанную на феномене стадности [27, с. 309].

Контагиозность медиаккультуры и медиапространства в целом, воздействующих на индивида опосредованно, обладает аналогичными свойствами материальной информационной среды, и феномены социальной психологии здесь обоснованно применимы в полной мере. Показательны многочисленные примеры мобилизации коллективного сознания отдельных социальных групп и всего общества через коммуникативное воздействие в мессенджерах и социальных сетях, на радио, телевидении и в Интернете. Так, чтение стихов О. Берггольц по радио в блокадном Ленинграде вселяло в жителей надежду и сплачивало их в общей беде, а ее голос стал настоящим символом твердости и бесстрашия русского духа. После теракта в Париже в 2015 г. психологическому объединению французского и европейского общества способствовала массовая сетевая акция, в рамках которой люди выкладывали на свои личные веб-страницы фотографии с плакатами с надписью «Je Suis Charlie» («Я – Шарли»).¹ Общероссийское движение «Бессмертный полк» достигло мирового масштаба благодаря своей положительной контагиозности в медиапространстве, основанной на памяти общества о Великой Победе и своих героических предках, сражавшихся против нацизма. Примеры негативного контагиозного влияния СМИ варьируются от относительно безвредных (например, «психотерапевтические сеансы» А. Кашпировского или массовое следование повседневной моде) до тяжелых по своим социально-историческим последствиям: распространение нацистской идеологии, разжигание протестных настроений, разрушение традиционных ценностей и т. д.

Многое в условиях насыщенного (с точки зрения как объема информации, так и количества реципиентов) коммуникативного пространства зависит от того, как субъект информации преподносит ее массовой аудитории в зависимости от выбранного подхода к освещению действительности. В этой связи нельзя обойти стороной идею двоемыслия Дж. Оруэлла, в соответствии с которой информационная среда в условиях полного контроля власти за человеком и обществом способна полностью перевернуть концептуальную схему репрезентации действительности. Посредством нейролингвистического программирования («новояза»)

¹ Примечательно, что после этого стал популярен слоган «Je ne suis pas Charlie» («Я – не Шарли»), объединивший тех, кто сочувствовал жертвам теракта, но не поддерживал политику журнала «Шарли Эбдо». В дальнейшем выражение «Je Suis Charlie» послужило основой для появления других аналогичных лозунгов солидарности по всему миру.

принципиально возможным оказывается внедрение в сознание-подсознание индивидуального и коллективного реципиента алогичных и парадоксальных манипулятивных посылов, приравнивающих «черное» и «белое»: «Война – это мир», «Свобода – это рабство», «Незнание – это сила» [28, с. 30] (примечательно, что об эвфемизации писал еще Платон: «Опорожнив и очистив душу... они затем низведут туда... наглость, разнузданность и распутство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством» [29, с. 289]). Со временем тотальная подмена реальности на языковом уровне заставляет человека верить в эти содержащие взаимоисключающие элементы формулы и менять под влиянием общества или при идеологической необходимости свое мнение на противоположное. В зависимости от политической воли производится рутинная и незаметная для широких масс процедура стирания общественной памяти, когда «ложь поселяется в истории и становится правдой» [28, с. 41]. Оруэлл выдвигает неутешительный тезис о том, что развитие средств массовой информации ведет человека и общество не к обретению все большей свободы, как это представляется до сих пор, а лишь к очередному витку закабаления: «Когда изобрели печать, стало легче управлять общественным мнением; радио и кино позволили шагнуть в этом направлении еще дальше. А с развитием телевизионной техники, когда стало возможно вести прием и передачу одним аппаратом, частной жизни пришел конец» [там же, с. 142]. Появление Интернета и портативных коммуникационных устройств лишь усугубило положение.

Языковое моделирование окружающей действительности, важным элементом которого является ее намеренное искажение, становится возможным при тотальной эвфемизации и дисфемизации информационной среды. Новые технологии, опирающиеся в первую очередь на аудиовизуализацию как способ представления и, соответственно, потребления массовой информации, сегодня дополняют и даже заменяют вербальное содержание сообщений. В этих условиях для человека, общества и государства, которое обеспечивает развитие и безопасность первых двух, становится важным не оказаться в пространстве сплошной симуляции действительности, своего рода матрицы, в которую в результате своей антигуманистической философии попал посткапиталистический Запад.

С началом специальной военной операции ВС РФ в мире окончательно оформился период регионализации и многополярности, который лишь подчеркнул ведущую роль средств массовой информации в деле борьбы за умы и настроения людей. Без созидательной идеологической концепции на основе высоких духовных ориентиров человечество оказалось обречено на угасание. Российскому обществу не нужно искать ориентиры в западной культурно-цивилизационной парадигме: все самобытные и самодостаточные онтологические установки нам дала собственная богатейшая культура. Альтернативными бессодержательным идеям постмодернизма в условиях поиска современным человеком себя представляются теория трансляции смыслов Д. А. Леонтьева и семиотическая теория коммуникации М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана. Положения этих теорий «воскрешают» в культуре понятие автора как рефлексирующего субъекта, который определяется его «собственным

внутренним миром (набором эзотерических смыслов)» и «кругозором (набором социально оформленных смыслов)» [16, с. 29], что образует «осмысленный и организованный в представлении в соответствии с собственной системой ценностных ориентаций мир человека» [25, с. 100]. Центральным элементом всеобщего семиотического пространства (семиосферы) становится текст как «первичная данность всех гуманитарных дисциплин» [Там же], которая выходит далеко за рамки своего собственно лингвистического понимания и может потенциально представлять собой любой человеческий поступок «в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [3, с. 302]. Ключевое отличие «сложно устроенного» [20, с. 72] текста Лотмана от бесконечного автономного текста Деррида заключается в том, что за первым скрывается реальность, а не гиперреальность: мир – это не симуляция. При всех возможных тезисах, пересекающихся с постструктуралистами, текст, по Бахтину, продуцируется и существует не ради себя и не внутри себя, а, в первую очередь, для человека и в диалогическом движении понимания, то есть в бесконечном диалоге культур, текстов, контекстов, познающего и познаваемого, автора и реципиента, а также предшествующих и последующих субъектов. Задачей воспринимающего текст становится его дешифровка, то есть извлечение из текста внетекстовой реальности, а из рассказа о событии – самого события [Там же, с. 336], то есть его смыслов, которые сохраняются и транслируются в культуре через «артефакты (вещи), знаковые системы (семиосфера) и модели поведения» [19, с. 416]. По сути, эти элементы составляют все коммуникативное пространство человека. Однако принципиальным положением отечественной гуманитарной науки является то, что за текстом стоит реальность, тогда как в западной – гиперреальность.

Исходная точка коммуникативного влияния, таким образом, находится в самом мышлении индивида, которое в зависимости от его социальной роли «запаковывает» ценности и смыслы жизни в вербальный (невербальный) (медиа)текстовый код и транслирует его адресату либо, наоборот, «извлекает» их из кода воспринимаемых (медиа)текстов. Порождение смыслов субъектом происходит в зависимости от его нравственного и даже онтологического выбора, который детерминирует его мироощущение и направляет его волю структурировать действительность именно так, а не иначе. Как в межличностной, так и в массовой коммуникации от этого выбора зависит содержание жизненных установок, которое будет воспринимать индивидуальный и коллективный реципиент.

ВЫВОДЫ

Подытоживая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что антропологическая цивилизация Запада была по умолчанию ориентирована на постоянную внешнюю экспансию и осваивание все новых территорий, игравших роль нескончаемой ресурсной базы для обеспечения процветания метрополии – Европы и позднее Америки. Постепенно обеспечив свое повсеместное присутствие через завоевания, великие географические открытия и колониальную оккупацию, распространяя по всему миру с помощью СМИ и посредством «мягкой силы» нетрадиционные ценностно-мировоззренческие установки и деструктивные концепции социальной

инженерии, эта цивилизация вынуждает отказаться современного человека, воспитанного на ее «стандартах», сначала от Бога, а затем – и от самого себя в пользу категории «ничто» и примата вещи; сегодня, движимая технологическим развитием, она уже вступает в эпоху трансчеловека, находясь на пути к постгуманистическому будущему. Коммуникативное влияние современной информационной среды является катализатором и одновременно следствием этих процессов и основано главным образом на положениях господствующей сегодня парадигмы постмодерна, в соответствии с которой – в сухом остатке – все в этом безбожном мире относительно, а высший смысл жизни человека состоит в потреблении (то есть отсутствует). Изменить такое положение вещей, которое ведет человечество к своему безнадежному финалу, может только возврат к религиозному пониманию бытия, сохранение традиционных ценностей и реактуализация высших смыслов.

Основные принципы жизнеустройства детерминирует философия, а точнее – основополагающий онтологический подход, который избирают общество, государство и, как следствие, коммуникаторы в их самом широком смысле. От него зависит общее понимание фундаментальных цивилизационных основ бытия, осознание себя и своего места в мировой системе координат и стратегическое целеполагание. Здесь же находится начальная точка отсчета для развития науки, культуры и образования.

Западная модель развития общества выбрала в качестве основы антигуманистический подход, установивший в современной медиакulturе антикатартический период кризиса и деградации. В силу своей бесконтрольной агрессивности и высокой контагиозности, поощряемой революционным развитием сферы массовой коммуникации, философская парадигма саморазрушения не остановилась в своей стремительной экспансии внутри Европы и Америки и начала постепенно стирать цивилизационно-культурное наследие многих стран и народов по всему земному шару. Она требует уничтожения религии, традиционных ценностей как таковых, а вслед за ними – социума, самого человека и окружающего его мира, и это полностью объясняет суть очередной полномасштабной войны, развязанной Западом против России и ее народа. Для Русской цивилизации и Российского государства эта философия представляет экзистенциальную опасность.

При широком обзоре передовых популярных течений социальной инженерии, пришедших в наше общество с Запада за последние 50–70 лет: гедонизм, нарциссизм, феминизм, *Live fast, die young* («Живи быстро, умри молодым»), чайлдфри, абортизм, гомосексуализм, транссексуализм, антропологическая цифровизация, азеркинизм (самоидентификация как существа, отличного от *homo sapiens*) – становится очевидно, что практически все они ведут человека к экзистенциальному вакууму, внутренней духовной пустоте, «переживанию пропасти» [22, с. 68]. Последствиями покорного следования в русле этих и других асоциальных норм поведения, устанавливаемых сферой массовой коммуникации в качестве идеологически верных и прогрессивных, становятся патологический эгоизм, нигилизм, моральная и даже физическая инвалидность людей, хаотизация, атомизация и искусственное вымирание общества (которое от государства, как известно, неотделимо [23, с. 92] – уничтожение первого ведет к распаду второго, и наоборот).

А. Швейцер писал: «Культура является продуктом оптимистически-этического мировоззрения» [32, с. 68]. Исходя из этого человек должен «вернуться к вечным общечеловеческим ценностям Истины, Добра и Красоты, Труда и Ответственности» [30, с. 121], то есть к исходной онтологической парадигме «Бог–Человек–Мир». Вместо этого сейчас он находится в состоянии перехода к метамодерну, который сочетает «просвещенную наивность, прагматический идеализм и умеренный фанатизм, колеблясь между иронией и искренностью, конструкцией и деконструкцией, апатией и влечением, пытаюсь достичь некой трансцендентной позиции, как если бы такая вещь была в пределах нашей досягаемости» [41]. Концептуальный оксюморон, означающий пребывание в состоянии постоянной неопределенности и движение ради движения, «несмотря на неизбежный провал» [42, р. 5], не может претендовать на необходимый сегодня человечеству ориентир.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
2. Ахренова Н. А., Зарипов Р. И. Структурные особенности новостного текста в интернет-дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 3. – С. 87-98.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
5. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 348 с.
6. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 288 с.
7. Голубева Н. А. Диссимметрия «игры в бисер»: краткое введение в метатеорию постмодернизма. – М.: Из-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009. – 188 с.
8. Горных А. А. Лакан // Новейший философский словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 538.
9. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 808 с.
10. Дионисий Ареопажит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. – СПб.: Алетейя, Издательство Олега Абышко, 2002. – 854 с.
11. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. – Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1935. – 364 с.
12. Достоевский Ф. М. Подросток: Роман в 3-х ч. – М.; Л.: Гослитиздат, 1947. – 544 с.
13. Жак Деррида. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты. – СПб.: Невский проспект; Вектор, 2007. – 175 с.
14. Жан Бодрийяр: симулякры и разрушение смысла в средствах массовой информации // Моноклер. – Режим доступа: <https://monocler.ru/zhan-bodriyyar-simulyakry-i-razrushenie-smyisla-v-sredstvah-massovoy-informatsii/>. – (Дата обращения: 23.03.2023).
15. Зафиксирован обстрел со стороны ВФУ... // online СЦКК ДНР. – Режим доступа: https://t.me/s/online_dnr_sckk. – (Дата обращения: 28.03.2023).
16. Касавин Т. И. М. Бахтин и Ю. Лотман. У истоков коммуникативно-семиотического подхода к языку и сознанию // Философские науки. – 2007. – С. 27–47.

17. *Комков О. А.* «За экраном нет ничего»: симулякры Жана Бодрийяра // Моноклер. – Режим доступа: <https://monocler.ru/bodrijar/>. – (Дата обращения: 23.03.2023).
18. *Комков О. А.* «Человек-масса» Хосе Ортеги-и-Гассета: как отказ от мысли и свободы стал нормой // Моноклер. – Режим доступа: <https://monocler.ru/chelovek-massa-jose-ortega-y-gasset/>. – (Дата обращения: 24.03.2023).
19. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности. – 2-е изд., испр. – М.: Смысл, 2003. – 488 с.
20. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. – СПб.: «Искусство–СПБ», 2000. – 704 с.
21. *Маклюэн Г. М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
22. *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 272 с.
23. *Неверов А. Я., Жаров С.Н.* Понятие государства и его значение для объективного восприятия социальной действительности // Человек. Общество. Государство. – 2018. – № 1 (4). – С. 89-94.
24. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 829 с.
25. *Новикова Л. И.* К методологии гуманитарного познания // М. М. Бахтин как философ: Сборник статей. – М.: Наука, 1992. – С. 97–109.
26. Они завершают эпоху людей. Когда исчезнет пандемия и что придет вместо нее. Андрей Фурсов // День-ТВ. – Режим доступа: <https://dentv.ru/programs/geopolitika/oni-zavershayut-erohu-lyudey-kogda-ischeznet-pandemiya-i-chto-pridet-vmesto-nee-andrey-fursov.html>. – (Дата обращения: 24.03.2023).
27. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 309-350.
28. *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – 384 с.
29. *Платон.* Государство. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.
30. *Семенов В. Е.* Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 116-121.
31. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134-148.
32. *Швейцер А.* Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – 342 с.
33. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб.: «Симпозиум», 2005. – 502 с.
34. *Barthes R.* La mort de l'auteur // Le Bruissement de la langue. – Paris: Seuil, 1984. – P. 61–67.
35. *Baudrillard J.* Simulacra and Simulation. – Michigan: Michigan Publishing, 1995. – 176 p.
36. *Bell D.* The Social Framework of the Information Society // The Computer Age: A 20 Year View. – Cambridge: MIT Press, 1979. – P. 500–549.
37. *Figaro* удалила репортаж Анн-Лор Боннель о положении мирных жителей в ДНР и ЛНР // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14053463>. – (Дата обращения: 24.03.2023).
38. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – New York: The Free Press, 1992. – 418 p.
39. *Lyotard J.-F.* La Condition postmoderne. – Paris: Les Editions de Minuit, 1979. – 128 p.
40. *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset. – Geneva: Forum Publishing, 2020. – 280 p.
41. *Turner L.* Metamodernism: a brief introduction // Queen Mob's Teahouse. – Режим доступа: <https://queenmobs.com/2015/01/metamodernism-brief-introduction/>. – (Дата обращения: 14.04.2023).
42. *Vermeulen T., van den Akker R.* Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. – 2010. – Vol. 2. – P. 1–14.

References

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of human]. Moscow, Yaziki russkoy kultury Publ., 1999. 896 p.
2. Akhrenova N. A., Zaripov R. I. *Strukturnye osobennosti novostnogo teksta v internet-diskurse* [Structural Features of News Text in Internet Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2023, no. 2, pp. 87–98.
3. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
4. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]. Moscow, POSTUM Publ., 2015. 240 p.
5. Baudrillard J. *Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva* [Perfect crime. Art conspiracy]. Moscow, RIPOL classic Publ., 2019. 348 p.
6. Baudrillard J. *Fatal'nye strategii* [Fatal Strategies]. Moscow, RIPOL classic Publ., 2019. 288 p.
7. Golubeva N. A. *Dissimetriya «igry v biser»: kratkoe vvedenie v metateoriyu postmodernizma* [The Dissymmetry of the Glass Bead Game: A Brief Introduction to the Metatheory of Postmodernism]. Moscow, MGTU im. Baumana Publ., 2009. 188 p.
8. Gornyxh A.A. *Lakan* [Lacan]. *Noveyshiy filosofskiy slovar'*. Minsk, Interpressservis Publ., 2001, pp. 538.
9. Jameson F. *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2019. 808 p.
10. Dionisiy Areopagit. *Titu ierarkhu [voprosivshemu poslaniem, chto takoe dom Premudrosti, chto – chasha i chto eda ee i pitie]* [To Titus hierarch who asked with a message what is the house of Wisdom, what is the cup and what is her food and drink]. *Sochineniya. Tolkovaniya Maksima Ispovednika*. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2002. 854 p.
11. Dostoevskiy F. M. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Vol. 1. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935. 364 p.
12. Dostoevskiy F. M. *Podrostok* [Adolescent]. Moscow; Leningrad, Goslitizdat Publ., 1947. 544 p.
13. Jacques Derrida. *Zhizneopisanie, mirovozzrenie, tsitaty* [Biography, worldview, quotes]. Saint Petersburg, Vektor Publ., 2007. 175 p.
14. *Zhan Bodriyyar: simulyakry i razrushenie smysla v sredstvakh massovoy informatsii* [Jean Baudrillard: simulacra and the destruction of meaning in the media]. *Monocler*. Available from: <https://monocler.ru/zhan-bodriyyar-simulyakry-i-razrushenie-smysla-v-sredstvakh-massovoy-informatsii/> (accessed 23 March 2023).
15. *Zafiksirovan obstrel so storony VFU...* [Shelling from the AFU was recorded...]. Online CCKK DNR. Available from: https://t.me/s/online_dnr_sckk/22323 (accessed 23 March 2023).
16. Kasavin T. I. M. *Bakhtin i Yu. Lotman. U istokov kommunikativno-semioticheskogo podkhoda k yazyku i soznaniyu* [M. Bakhtin and Yu. Lotman. At the origins of the communicative-semiotic approach to language and consciousness]. *Filosofskie nauki*, 2007, no. 12, pp. 27–47.
17. Komkov O. A. *«Za ekranom net nichego»: simulyakry Zhana Bodriyyara* [“There is nothing behind the screen”: Jean Baudrillard's simulacra]. *Monocler*. Available from: <https://monocler.ru/bodriyyar/> (accessed 23 March 2023).
18. Komkov O. A. *«Chelovek-massa» Khose Ortegi-i-Gasset: kak otkaz ot mysli i svobody stal normoy* [“Mass Man” of José Ortega y Gasset: how the rejection of thought and freedom became the norm]. *Monocler*. Available from: <https://monocler.ru/chelovek-massa-jose-ortega-y-gasset/> (accessed 24 March 2023).
19. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie, i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure, and dynamics of meaning reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 488 p.

20. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p.
21. McLuhan H.M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: Human External Extensions]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2003. 464 p.
22. Maslow A. *Po napravleniyu k psikhologii bytiya* [Towards the psychology of being]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2002. 272 p.
23. Neverov A.Ya., Zharov S.N. *Ponyatie gosudarstva i ego znachenie dlya ob"ektivnogo vospriyatiya sotsial'noy deystvitel'nosti* [The concept of the state and its significance for an objective perception of social reality]. *Chelovek. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2018, no. 1 (4), pp. 89–94.
24. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra Sochineniya v 2 t. T. 2.* [Thus spoke Zarathustra. Works in 2 vol. Vol 2]. Moscow, Mysl Publ., 1996. 829 p.
25. Novikova L. I. *K metodologii gumanitarnogo poznaniya* [To the methodology of humanitarian knowledge]. *M. M. Bakhtin kak filosof: Sbornik statey.* Moscow, Nauka, 1992, pp. 97–109.
26. *Oni zavershayut epokhu lyudey. Kogda ischeznet pandemiya i chto pridet vmesto nee.* Andrey Fursov [They end the human era. When will the pandemic disappear and what will come in its place. Andrey Fursov]. *Den'-TV.* Available from: <https://dentv.ru/programs/geopolitika/oni-zavershayut-epokhu-lyudey-kogda-ischeznet-pandemiya-i-chto-pridet-vmesto-nee-andrey-fursov.html> (accessed 24 March 2023).
27. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [Revolt of the masses]. *Estetika. Filosofiya kul'tury.* Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. Pp. 309–350.
28. Orwell G. *«1984» i esse raznykh let* [“1984” and essays from different years]. Moscow, Progress Publ., 1989. 384 p.
29. Platon. *Gosudarstvo* [State]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2015. 318 p.
30. Semenov V.E. *Katarsis i antikatarsis: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod k vozdeystviyu iskusstva* [Catharsis and anti-catharsis: a socio-psychological approach to the impact of art]. *Voprosy psikhologii*, 1994, no. 1, pp. 116–121.
31. Fukuyama F. *Konets istorii?* [End of history?]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3, pp. 134–148.
32. Schweitzer A. *Kul'tura i etika* [Culture and ethics]. Moscow, Progress, 1973. 342 p.
33. Eko U. *Rol' chitatatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Research on text semiotics]. Saint Petersburg, Simposium, 2005. 502 p.
34. Barthes R. *La mort de l'auteur. Le Bruissement de la langue.* Paris, Seuil, 1984, pp. 61–67.
35. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation.* Michigan, Michigan Publ., 1995. 176 p.
36. Bell D. *The Social Framework of the Information Society. The Computer Age: A 20 Year View.* Cambridge, MIT Press, 1979, pp. 500–549.
37. *Figaro udalila reportazh Ann-Lor Bonnel' o polozhenii mirnykh zhiteley v DNR i LNR* [Figaro removed Anne-Laure Bonnel's report on the situation of civilians in the DPR and LPR]. *TASS.* Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14053463> (accessed 24 March 2023).
38. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man.* New York, The Free Press, 1992. 418 p.
39. Lyotard J.-F. *La Condition postmoderne.* Paris, Les Editions de Minuit, 1979. 128 p.
40. Schwab K., Malleret T. *COVID-19: The Great Reset.* Geneva, Forum Publishing, 2020. 280 p.
41. Turner L. *Metamodernism: a brief introduction.* *Queen Mob's Teahouse.* Available from: <https://queenmobs.com/2015/01/metamodernism-brief-introduction/> (accessed 24 March 2023).
42. Vermeulen T., van den Akker R. *Notes on Metamodernism.* *Journal of Aesthetics and Culture*, 2010, vol. 2, pp. 1–14.

**HUMAN, SOCIETY AND MASS COMMUNICATION
IN NATIONAL AND WESTERN
CULTURAL AND CIVILIZATIONAL PARADIGMS:
LINGUOPHILOSOPHICAL AND ANTHROPTHEOLOGICAL ASPECTS**

Zaripov R. I.

The article is devoted to the cultural and philosophical comprehension of the current state of man and society influenced by the Western value-worldview paradigm of postmodernity, as well as the role of mass communication in the implementation and amplification of the negative processes erasing all forms of the subject's identity, as well as the subject himself according to the concept of "nothing". The anti-humanistic approach of Western philosophical thought requiring the gradual destruction of religion, traditional values and the state, has led the world to an era of post-truth, post-history and post-humanity. The domestic linguo-philosophical tradition, original and self-sufficient in its ontological attitudes, does not need alien landmarks and is based, among others, on the semiotic theory of communication by M.M. Bakhtin and Yu.M. Lotman and the theory of translation of meanings by D.A. Leontiev. The provisions of these theories consider the text in its broadest sense to be a fundamental element of the semiosphere, functioning in a person and for a person, based on value meanings and reducing the author as a reflective subject and the addressee as a cognizing subject into an endless dialogic interaction. The key difference between Lotman's "complex" text and Derrida's endless autonomous text is that behind the first is the reality while behind the second is the hyperreality: in Russian scientific understanding, the world is not a simulation.

Key words: text, society, postmodern, reality, hyperreality, mass communication.